

Смрад был настолько невыносим, что, казалось, атаковал каждую клетку его организма. Омерзительная вонь гнилья и протухших продуктов, богомерзкое потусторонняя какофония схлестывающихся между собой десятков запахов, каждый из которых был уже отвратителен сам по себе, но, в сочетании друг с другом, становился частью чего-то невообразимого.

Осознав себя тонущим в этом облаке вони, он запаниковал. Попытался вздохнуть, но безуспешно, словно позабыл, как дышать, словно его мозговые связи, запускающие непроизвольную дыхательную реакцию, были начисто перерезаны ножом и больше не вели к груди или легким. Он не сомневался, жить ему оставалось считанные секунды.

И вдруг на малую часть его рассудка снизошло озарение, он осознал, что вовсе не тонет, а лишь пребывает в кошмаре, созданном его собственным разумом, а его дыхательный рефлекс отказал, потому как он находится в мире грез, в то время как его физическое тело спит, парализованное сном. Он вложил всю свою волю в мощный рывок, чтобы сбросить сокрушительно пелену забвения, и тут же все его сознание вынырнуло на поверхность, как ныряльщик, слишком долго пробывший в сумрачных холодных глубинах, сумевший в последний момент ускользнуть от смерти.

Полностью придя в сознание, хоть и не оклемавшись до конца, он ощутил тяжесть век, перекрывающих его взор. Услышал шепот, затем десятки шепотов. Он прислушался, сосредоточился на них, и стал по немного вылавливать отдельные слова и фразы, периодически выхватывая из них хаотичные образы. Калейдоскоп звуков, сливающийся в белый шум; нескончаемая болтовня сотен болтунов, треплющихся одновременно. Он тряхнул головой в попытке остановить бесящие шепоты в сознании, но тщетно.

И с досадой открыл глаза.

Его встретила абсолютная, непроницаемая тьма.

Борясь с паникой, нахлынувшей с преумноженной силой, он осторожно протянул вперед правую руку – и был вознагражден. Рука коснулась ровной гладкой поверхности, на ощупь напоминавшей сталь, и он продолжил. Секунду спустя ладонь вошла в контакт еще с одной поверхностью над головой. Крышка. Из стали, как и найденная стена.

Правда, сначала он не был уверен в том, что эта крышка, но, подняв обе руки выше плеч и надвиг, он сумел слегка приподнять ее и сквозь открывшуюся щель увидеть яркий свет. Крышка была тяжелой, но, ободрившись, он продолжал толкать, пока не достиг поворотной – в прямом смысле – точки, и крышка откинулась на петлях, шумно грохнувшись о боковину стального контейнера.

Еще до того, как зрение успело приспособиться к свету, он увидел, что находится в море мусора, до половины заполнившего большой ящик, окрашенный в знакомый зеленый цвет.

Он был внутри мусорного контейнера.

Вид мерзких отходов вместе с отвратительным запахом вынудил его сделать то, что его тело ухитрялось избегать до этого момента. Его согнуло пополам, но, поскольку желудок был почти пуст, все ограничилось лишь позывами с сухими спазмами.

Он высунул голову над краем контейнера среднего размера и огляделся. Обстановка вокруг походила на задворки торгового ряда, куда сбрасывали отходы гастрономов, бакалейных и мясных магазинов и ресторанов с пунктами смены подгузников.

Поспешив выкарабкаться из контейнера, он захлопнул за собой крышку, радуясь, что никто этого не видел. Пусть он и провел ночь в помойке, но явно не утратил свои жалкие остатки гордости.

Он осмотрел себя. Обут в кроссовки, одет в черную футболку и джинсы, покрытые пятнами жидкостей неведомого рода, в том числе и такими, что могла быть даже кровью – а может, и нет.

Что он делал в помойке? Он начал прочесывать память и не нашел там ровным счетом ничего.

Как же это надо нализаться, чтобы не запомнить ночлег в гробу, набитом помоями?

Он ахнул, когда до рассудка дошла куда более существенная истина. Мир прямо-таки заходил ходуном, когда его потрянуло от бессилия: он не мог вспомнить вообще ничего. Не только того, как попал в помойку, а вообще откуда явился на этот свет.

Он тужился припомнить хотя бы свое имя, но тщетно.

Обшарил карманы, но не нашел ни бумажника, ни каких-либо документов.

Что за дела?

Пульс зачастил, перевалив далеко за сотню, и голова от шока и выброса адреналина закружилась. Надо успокоиться. Надо подумать.

Ему нужна помощь. Врач. Способ выяснить, что с ним случилось и кто он такой.

Но сосредоточиться было трудно. Шепоты и образы в голове не отступали, нельзя было вообразить ничего более сбивающего с толку. Остановить их он вроде бы не мог, зато мог хотя бы отчасти подавить, загнав в более глубокие и менее выпячивающиеся уголки сознания. И все равно не мог не гадать, сколько еще сможет выдержать, не лишившись рассудка.

Или уже лишился?

Нет. Не может быть. Он чувствовал, что рассуждает вполне разумно. И совершенно здраво.

Он расхохотался. «Уж конечно, – подумал он, – я ничуть не менее рассудительный и здравомыслящий, чем любой другой субъект, лишившийся памяти, проснувшийся в помойке и слышащий голоса в голове».

И что теперь?

В его нынешнем виде всякий, к кому он обратится за помощью или еще за чем-то, учует его еще прежде, чем увидит, и рванет куда подальше во всю прыть. Прежде чем приступить к чему бы то ни было другому, надо помыться и принять приличный вид.

Он огляделся. Вдали, за пустырем, поросшим травой и чахлыми кустиками, углядел заправку «Шелл» с возносящимся высоко над станцией знакомым символом желто-красной раковины; знакомство знака как-то утешило его. А еще там должен быть туалет.

Он тотчас же направился к знаку и пять минут спустя вышел к узкому переулку, где помедлил, чтобы пропустить единственный проезжающий автомобиль с открытыми окнами и орущей музыкой.

Песню он узнал сразу же. Логично. Он мгновенно вспоминает слова первой подвернувшейся песни, но не имеет ни малейшего понятия, где живет, да и вообще что бы то ни было о себе...

За рулем сидел парнишка лет семнадцати-восемнадцати.

– Опа, чё это с этим чуваком? – отчетливо услышал он слова водителя, когда машина проезжала мимо. – Он чё, не слышал о такой штуке, как душ? – добавил подросток, а потом интонации его изменились, выдавая тревогу и замешательство. – У него чё, кровь на шее?

Но человек без прошлого понимал, что не мог этого услышать, потому что в это самое время смотрел на водителя – и губы у подростка даже не шелохнулись. Кроме того, автомобильный приемник выдавал слишком много децибел, чтобы он мог расслышать слова настолько отчетливо, даже если б подросток действительно их произнес.

<http://tl.rulate.ru/book/12621/242668>